

Евгению Е.А.
(подпись)

7.10.03.

Евгений Евтушенко: Объединяют людей стихами

11 ОКТЯБРЯ В КРЕМЛЕ ПРОЙДЕТ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЮБИЛЕЙНЫЙ ВЕЧЕР ПОЭТА «НЕТ... ЛЕТ»

— Евгений Александрович, на днях в сетевом «Русском журнале» появился перевод статьи из влиятельной гамбургской «Die Zeit» довольно молодого немецкого поэта и переводчика Александра Ницберга.

Начинается статья так: «Поэт в России больше, чем поэт? Ах, Евтушенко, старый трепач, — ругаюсь я, мчась по центру Москвы, три раза чудом выскальзывая из-под колес машин». А заканчивается пересказом разговора, в котором собеседник автора вспоминает, как ужинал с Евгением Рейном и тому не пришлось платить, потому что его узнал владелец ресторана. Последняя фраза статьи: «Я засомневался: «Евтушенко! Ты хоть и старый трепач, но, наверное, ты все-таки прав».

Между двумя упоминаниями вашей фамилии вкупе с самой, пожалуй, знаменитой вашей стихотворной строчкой — рассказ автора о том, как он пытался найти в Москве поэтов и поэзию. То поэты оказывались не те, то подводила поэзия, но вместе они у него никак не сходились. Имена для одних оказываются пшиком для других. Даже девушки предпочитают нынче прозаиков, да по большей части переводных.

— Все зависит не от того, что девушки, упомянутые герром Ницбергом, читают переводную литературу, а какую литературу. «Майн кампф» — это ведь тоже переводная литература, но и Библия тоже.

Герру Ницбергу, видимо, только халявное присоединение к застольному гостеприимству, оказанному Евгению Рейну ресторатором, помогло изменить мнение на снисходительный плюс по поводу отношения русского народа к литературе в современной России. А если бы пришлось заплатить из своего, пардон, кармана за ужин, то что же, тогда бы «старый трепач Евтушенко» был бы неоправданым в том, что «поэт в России больше, чем поэт»?

Оказывается, и такая почтенная газета, как «Ди Цайт», заразилась эпидемией русского «стеба». А мы-то грешным делом думали, что стеб — это наша национальная фирменная гордость и у нас «пути пройденного и стеба полуденного» никто не отберет, как некогда отобрал у нашего Попова изобретение радио какой-то проницательный Маркони.

— За что вы его так?

— Стилистическое упражнение. Стеб стебом вышибают. А если говорить обо всем этом всерьез, то ничего нет страшного, что «имена для одних становятся пшиком для других». Важно, чьи имена. Так, например, для Куняева имена Высоцкого и Окуджавы — это пшик. Для Виктора Ерофеева (не путать с Венечкой!) пшик даже Маяковский. Для Дмитрия Быкова пшик как раз Виктор Ерофеев. А для очень многих пшик сам Дмитрий Быков.

Некоторые читатели жалуются, что «Платонова трудно читать — у него столько непонятных слов». Слова-то у него понятные, да вот некоторые читатели этих исконных русских слов никогда слыхом не слышали, но зато знают, что такое «прикол».

— Как отличить настоящую поэзию от просто грамотной версификации?

Вел. Москва 2003 7 окт. — С. 6

— Для этого нужно хорошо знать поэзию в целом, а не просто становиться идолопоклонником какого-то одного поэта, не замечая других. Я не люблю фанатов ни футбольных, ни политических, ни театрально-эстрадных, ни литературных. Любой фанатизм — это вид слепоты.

На нашу вульгарную попу можно до сумасшествия «торчать» только тот, кто не знает и не хочет знать ни Эдит Пиаф, ни Жака Бреля, ни Иву Монтана, ни Шарля Азнавура. Очень часто наши певцы даже с хорошими голосами поют песни с совершенно непотребным текстом. У Задорнова есть великолепная коллекция цитат из этих песен.

— Обязательно ли настоящий поэт должен быть ни на кого не похож?

— Умышленно стать непохожим ни на кого — всегда провально. Все имитаторы — дети конвейера. Все должно происходить естественно, а для этого надо решиться на самое рискованное путешествие — внутрь себя.

Я когда-то написал стихи «Людей неинтересных в мире нет. Их

судьбы, как истории планет. У каждой все особое, свое, и нет планет, похожих на нее». Каждый поэт, если доберется до глубин своей души и поднимет эти глубины, как говорят шахтеры, «на дневную поверхность», окажется не похож на других. Для того чтобы показать всю свою сложность (а несложных людей нет), надо максимально опроститься, опроститься в словах, чтобы и самому разобраться в себе, и другие чтобы поняли, кто ты такой.

Поссорившись по пустякам с юной Беллой Ахмадулиной, в 22 года я написал не предназначенное для печати очень простое стихотворение «Со мною вот что происходит», и оно мне помогло, хотя не навсегда. Но его вдруг стали переписывать в альбомы, дневники, петь у костров под самодельную музыку, а через двадцать три года в кинофильме «Ирония судьбы» под музыку профессиональную. Когда я читаю эти стихи со сцены, почти у всех в зале шевелятся губы. Моя исповедь стала исповедью всех. Это феноменальное ощущение единства непохожестей.

— На вечер 11 октября будет звучать не только Шостакович, но и музыка французского Мориса Жара из фильма «Доктор Живаго». Почему Шостакович — понятно. А почему Жар?

— 40 лет назад, с той поры, как впервые услышал эту музыку, задыхнувшись от волнения, я мечтал написать на нее стихи, превратить ее в песню. У меня было много вариантов, но все они рассыпались. И вдруг в конце прошлого года в нью-йоркском госпитале, где я, казалось, умираю от потери крови, в то же время переживая страшную трагедию на Дубровке, у меня вдруг как будто сам собой написались и текст этой песни, и три дополнительных четверостишия к 13-й симфонии Шостаковича, делающие ее еще сильнее по тексту.

Музыка всегда была грандиозной, но я выполнил обещание, данное Шостаковичу: подумав над тремя четверостишиями, уступившими другим строкам. Теперь обещание исполнено.

Новые строки к симфонии споют певцы-профессионалы, а я уж рискну спеть в дуэте с

певицей Мариинки, молодой красавицей Ларисой Юдиной песню на мои слова к музыке Жарра из кинофильма «Доктор Живаго».

— Можно ли отбить вкус к поэзии, пичкая с детства Пушкиным и Лермонтовым, затем Маяковским и Блоком, позже Мандельштамом и Цветаевой. А если Евтушенко?

— Мы отбили вкус даже к такой прекрасной идее, как социализм, пичкая им, как манной кашей с детства. А вот в скандинавских странах никто никогда насильно не пичкал, вот они социализм потихоньку, без Гулага, без Сталина, без Бери, без товарища Жданова построили.

Я в первых классах школы Пушкина терпеть не мог. Ничем и никем насильно перекармливать не надо. И Евтушкой тоже, конечно. Потом надо понимать, что выбирать для преподавания. У Маяковского нас заставляли учить наизусть «Стихи о советском паспорте», а вовсе не гениальное «Облако в штанах».

— Доступна ли русская поэзия американцу? А американская — русскому? Гениальный перевод Бунина «Песни о Гайавате» Лонгфелло — исключение. А каково правило?

— Сейчас я в США преподаю семестр по Ахматовой и Цветаевой. Переводы в основном нерифмованные, потому что в английском раз в десять меньше рифменных возможностей. Тем не менее «Реквием» Ахматовой потрясает моих студентов, а цветаяевская «Попытка ревности» вызывает восторг силой женского характера.

— Что собой представляют американские студенты? Что их привлекает к русской литературе, кроме десятилетиями не проходящей моды на Толстого, Чехова и особенно Достоевского?

— Мои студенты очень разные. Кому нравится Пастернак, кому Маяковский, кому Северянин, кому Гумилев, кому Есенин или, что мне особенно приятно, мой старый товарищ Владимир Соколов. Удивительно, что вкусы всех сходятся на поэме, вокруг которой в России когда-то были только столкновения вкусов — на «Двенадцати» Блока.

Из русских и европейских фильмов, курс по которым я постоянно веду, на первое место обычно выходят «Летят журавли» и «Похитители велосипедов». Из последних очень понравилась «Кукушка».

— Чем закончились попытки Иосифа Бродского насадить в Америке поэзию, как Екатерина Вторая — в России картошку?

— Вы имеете в виду развешивание в метро поэтических цитат и обязательное наличие поэтической антологии рядом с Библией в штате Нью Йорк? Это продержалось недолго, но все-таки несколько лет, что уже много. Неправда ли, странная, несколько левовско-пролетарская акция для поэта, столь осуждавшего социальное участие в жизни? Ну что же, поэт и рождается из столкновения внутренних противоречий.

— А в России где, по-вашему, сегодня место поэзии: на стадионе с тысячами, в Политехе с сотнями, в литературном кафе с десятками — или вообще на диване, наедине с самим собой?

— Место поэзии — везде, но главное — в сердце, в самой-самой его глубине.

— Судя по тому, что ваш юбилейный творческий вечер пройдет в Государственном Кремлевском дворце, вы несколько не сомневаетесь в том, что ваша поэзия, равно как и музыка Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, близка и понятна весьма широкому массам поклонников прекрасного. Но любовь к поэзии и музыке часто соседствуют с нищенской пенсией или с крохотной зарплатой. А тот, кто может себе позволить купить билет, не сделает ли это лишь из моды? Не заскучает ли, поняв, что не туда попал?

— Насчет пенсий и зарплат вы совершенно правы. Хотя на мой концерт билеты недорогие, можно купить и за 150 рублей. Может быть, кто-то купит билет, как вы говорите, из моды. Но мне часто признавались, что, придя первый раз на поэтический концерт из любопытства, потом приходили уже из любви.

Я надеюсь, что там никто не заскучает. От Евтушенко и Задорнова, по-моему, никто никогда еще не скучал. И от Шостаковича тоже. Российской симфонической капеллой будут руководить дирижеры суперкласса: Валерий Полянский и американец Франц Антон Крагер, кумир американской музыкальной молодежи.

Люблю объединять людей стихами. Люблю, чтобы зал становился как бы одним огромным живым существом. Надеюсь, что так и произойдет. Хочу, чтобы все были счастливы, и я в том числе.

— Вы родились в Сибири, сейчас живете по большей части за океаном. А что для вас Москва? У вас есть стихотворение: «Я комнату снимаю на Суэвской». Назовите, пожалуйста, другие ваши московские адреса.

— Конечно, бывшая Четвертая Мещанская, пустырь перед бывшим особняком Кирхгофа, где когда-то будущий тренер сборной СССР по хоккею Виктор Тихонов «подковал» меня, когда мы играли в футбол. Лаврский переулок, где снималась когда-то «Свадьба» по Чехову с великими Абдуловым и Мартинсоном, а я вместе с другими мальчишками разбрасывал там по заданию режиссера пух и перья из подушек и где лет двадцать назад я показывал Джинне Лоллобриджиде старую Москву, а она ее снимала, снимала, а потом мы с ней танцевали до упаду в кафе «Лири» и когда ехали потом в моих стареньких «Жигулях», между нами было почему-то байдарочное весло, которое некуда было больше деть, и она шуточно сказала мне: «Это ваш Тристанов меч?» — и погрозила пальцем.

— Можно, конечно, поговорить о кино, о прозе, о вашей деятельности по сохранению и классификации русской поэзии XX века. Но вы тот самый русский человек, про которого Достоевский устами одного из героев сказал, что он широк, и предложил сузить. Подозреваю, что большинство «сужает» Евгения Евтушенко до поэта. Но так ли это мало?

— Да вы что! Сказать про кого-нибудь без всяких добавлений: это поэт — все равно что сказать: это хороший человек.

Беседовала
Юлия РАХАЕВА

Заказ билетов по тел.:
928-52-32, 232-18-18